

УДК: 94

DOI: 10.25629/НС.2024.07.28

О КЛАДБИЩЕНСКОМ ДОХОДЕ МОНАСТЫРЕЙ МОСКВЫ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Гувакова Е.В.

Музей русской иконы имени Михаила Абрамова

Аннотация

В статье рассматривается доход нескольких московских обителей от кладбищ, которые быстро позволяли им улучшать условия жизни, строить новые храмы, и вкладывать средства в банки и недвижимость. Несмотря на широко распространенное мнение, что основной доход российские монастыри получали от продажи свечей, исследования показали, что сдача в наем недвижимости, реже банковские доходы, а для ряда монастырей – продажа могильных мест, оказывались самым прибыльным делом.

Ключевые слова

Некрополи московских монастырей, кладбище как источник доходов, надгробия вельмож и полководцев, захоронения выдающихся деятелей, кладбищенские деньги, книги учета сумм за отпевания и погребения, вклады на помин души, разряды могильных мест, уход за могилами.

Введение

С древности все московские монастыри служили усыпальницами, где обычно погребались как ктитория, так и выдающиеся деятели своего времени. Но после чумы 1771 г., когда были запрещены захоронения в городской черте, на рубеже конца XIX – начала XX вв., только десять из 24 обителей имели кладбища, которые приносили значительную прибыль, так что современники называли обители «погребальными».

В работе рассматриваются некрополи епархиальных и ставропигиальных монастырей, которые являются хранителями исторической памяти, о чем свидетельствуют надгробные плиты представителей политики, науки культуры, искусства разных веков. Целью работы является рассмотрение дохода, получаемого в начале XX в. от продажи могильных мест на монастырских кладбищах. В ряде обителей – женских Новодевичьем и Алексеевском, мужских Даниловом и Новоспасском именно «кладбищенские» деньги являлись основным источником финансовых поступлений, достигая десятков тысяч рублей в год и составляя фундамент экономического благополучия.

Сохранившиеся в архивах источники характеризуют различные типы внутренних документов, таких как погребальные билеты, квитанции и свидетельства, также как отчетные документы, подаваемые в Консисторию. Они содержат сведения о значительных поступлениях, связанных с захоронениями. В ряде монастырей могильные места, в зависимости от их расположения (близости к храму) делились на 4 разряда, что зафиксировано внутренней финансовой отчетностью.

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

А.С. Пушкин. 1830 г.

Московские некрополи с древности были и остаются хранителями исторической памяти разных эпох, сохраняя надгробия выдающихся деятелей нашей страны: представителей знати и священства, полководцев и просветителей, политиков и деятелей культуры, а также месточтимых святых. Примером может служить издание московского путеводителя 1872 г., где указано, что в кремлевском Чудове монастыре наряду с погребениями знатных людей Трубецких, Куракиных, Щербатовых, Хованских, Оболенских, захоронен юродивый Тимофей Архипов [14, С. 266].

Исследование посвящено исследованию т.н. «кладбищенского» дохода ряда московских монастырей и его роли в экономике обитателей накануне революции 1917 года. Целью работы является выявление роли поступлений от монастырских кладбищ в экономике московских обитателей. Впервые внимание привлечено к теме получаемого дохода нескольких монастырей Москвы, владеющими значительными кладбищенскими землями. Речь идет о суммах, которые поступали в монастырскую казну за продажу могильных мест, совершение погребений, служение великих панихид и заупокойных литий, уход за могилами и т.п. услуги, в современном обиходе называемые ритуальными.

Монастырская земля стоила очень дорого, поскольку в народном сознании прочно утвердилось мнение, что захороненным в монастырских стенах прощаются все грехи. Именно поэтому многие великие князья, следуя традиции византийских императоров, принимали перед смертью схиму. И, несмотря на запрещение еще Студийским уставом конца IX в. погребать мирян в монастырях, с древности все московские обитатели являлись ктироскими усыпальницами, о чем с гордостью сообщалось во всех московских путеводителях XIX в. [9; 23, С.98-114].

Кроме того, после указа 1771 г., запрещающего захоронения в городской черте после разразившейся эпидемии чумы [8, С. 127], они допускались только в особых случаях. Но поскольку монастыри находились в черте города, то этим успешно пользовались их управляющие. Зная, что продажа мест на престижных кладбищах приносила колоссальные суммы, историки еще в середине XIX в. даже называли некоторые монастыри «погребальными» [24, С. 181].

Помимо этого, с древности практиковались крупные вклады на помин души ушедших близких. Примером служит вклад 1680 г. в Донской монастырь Федора Алексеевича о поминовении его тетки царевны Ирины Михайловны, на который был установлен новый иконостас из 55 икон, построена новая деревянная ограда вокруг монастыря взамен обветшавшего забора с двумя каменными воротами, увеличено число келий и других монастырских зданий [12, С. 14-15], хотя она была погребена в Новоспасском. Традиция вкладов в разные монастыри как моление об ушедшем близком продолжалась и в последующие столетия продолжается и сегодня.

Современники знали, что важным источником монастырской экономики являлись продажа могильных мест, уход за могилами, вклады на вечное поминовение и т.п. Известные историки изучали эту тему, однако не могли сделать окончательные выводы из-за недоступности источников, которые оставались исключительно внутренней документацией монастырей, закрытой от посторонних. Данное исследование подготовлено на основе изучения архивных материалов, связанной с захоронениями, рассмотренной как одной из статей дохода монастырей. В качестве яркого примера приведены сведения о поступлениях Новодевичьего монастыря, где очевидно, что в 1892 г. именно «кладбищенские» поступления, превышающие четверть всех доходов, оказываются основой благополучия обители (табл. 1).

Таблица 1 – Поступления Новодевичьего монастыря в 1892 г. Расчеты автора

№	Наименование статьи	Сумма, руб.	%
1.	За погребение усопших на монастырском кладбище	11 235	27,1
2.	Пожертвования на содержание общей трапезы	8 950	21,6
3.	Проценты по гос. процентным бумагам и из Консистории с капитала Чаплыгиной	5 859	14,1
4.	Продажа свечей в церквах, а также свечных огарков	4 480	10,8
5.	Арендной суммы за монастырские дома и земли	3 081	7,4
6.	Продажа просфор	2 030	4,9
7.	Пожертвования на содержание монастырских богаделен	1 681	4
8.	Пожертвования на содержание монастырской больницы	1 500	3,6
9.	Кошельковой суммы	962	2,3
10.	За сдачу монастырских келий внаем	900	2,1
11.	За изделия монастырские живописной и рукодельной	453	1,2
12.	Собрано в кружку при часовне	99	0,2
13.	Продажа деревянных крестов от могил	95	0,2
14.	Продажа небольших икон, книжек и Троицких листков	56	0,1
15.	За чтение Синодика по усопшим	35	0,1
	Итого:	41 416	100

Ученые разных эпох не раз обращались к теме монастырских кладбищ. Так, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона сообщалось о «громдах доходах», получаемых российскими монастырями *с кладбищ и за погребения* [47, С. 707]. Д.И. Ростиславов, по долгу службы инспектируя обители страны, собрал сведения о 167 русских монастырях в последней трети XIX в., называл их привилегированные кладбища «приаристократической загробной спесью». Он делал вывод, что только вкладов на вечное поминовение у обителей не менее 7 млн руб. [24, С. 174-196].

Известное издание «Московский некрополь», инициированное великим князем Н.М. Романовым, председателем Исторического и Географического обществ, а также Общества защиты и сохранности памятников истории и старины, начинается с описания именно монастырских кладбищ [18, С. IX – XVI]. Ведь в них нашли упокоение не только представители знатных родов, но и замечательные личности, чьи имена составляют гордость русской истории и культуры. Сохранившиеся почти во всех монастырях часовни и сейчас остаются выражением благочестия знатных и богатых родов. Некоторым надгробиям даже посвящались отдельные издания, как, например, Шереметьевых в Знаменском монастыре [22, С. 11-55] или Нарышкиным в Высокопетровском [17], и даже людей «инославной веры» в Даниловом [1]. Научные исследования монастырских некрополей продолжают и в настоящее время [3].

Многочратно переизданный труд «История Церкви» академика Н.М. Никольского, отличающийся нетерпимостью к религии, жестко критикует монастыри, «паразитирующие» на казенных кредитах и доходах от чисто религиозных операций, названных им «торговлей благодатью», к которым ученый относил совершаемые обряды и продажу мест на монастырских кладбищах [20, С.202, 261]. Профессором МГУ В.А. Федоровым в 2003 г. была подготовлена монография, посвященная взаимоотношениям Церкви и государства в синодальный период, где среди тенденций, характерных для монашества того периода, отмечена сдача недвижимости в аренду и «заработок» кладбищем [34].

В к. XIX – н. XX вв. кладбища являлись значимой частью поступлений для части московских обителей, к которым относятся женские Новодевичий, Алексеевский, Скорбященский, Покровская община сестер милосердия и мужские Данилов, Спасо-Андроников, Симонов, Донской и Новоспасский. Два московских единоверческих монастыря - мужской Никольский [28], открытый в 1771 г. при моровой язве в Москве [30] и женский Всехсвятский, появившийся в 1862 г. [5], изначально открытые как кладбищенские, не получали никакого содержания, не рассматриваются в данной работе.

Напомним, что основной доход московские монастыри получали от активной предпринимательской деятельности – сдачи в аренду недвижимости и земли, как в городской черте, так и за ее пределами, банковских операций, связанных с ценными бумагами, что не рассматривается в данной работе [7, С. 33–70]. Конечно, в каждом из монастырей были свои особенности ведения финансово-экономической деятельности, так, в начале XX века здания Заиконоспаского монастыря активно сдавались в аренду торговцам, заинтересованным в рыночной Красной площади; в Знаменском были построены торговые лавки; Высокопетровскому монастырю приносил значительные средства трехэтажный доходный дом на углу ул. Петровки и Петровского бульвара, построенный в 1901–1903 гг. т.п. Но ряду обитателей именно продажа земельных участков под захоронения на монастырских кладбищах приносила значительный доход.

Получаемые за погребения средства, помимо монастырских синодиков с именами «усопших благородных господ» [см., напр., 6, С.38, 45–48] нашли отражение в так называемых кладбищенских документах, где помимо записи вкладов на поминавание, сохранились книги для книги учета сумм за отпевание и погребение, книги ухода за могилами, квитанции за продажу мест и вырытие могил и т. п. финансовая отчетная документация. Сохранились книги учета погребений (т.н. «могильные»), ведомости похорон, книги учета сумм, получаемых в монастыре за умерших, а также свидетельства о погребении, квитанции об уходе за могилами, тетради прихода денег по монастырскому кладбищу и пр.

Следует отметить разнообразие подобной отчетности – так, деятельность кладбища, находившегося на попечении Алексеевского монастыря и составлявшего значительную часть его дохода, породила разнообразные виды документов, касающихся захоронений: могильные книги, погребальные билеты умерших, погребальные свидетельства, погребальные квитанции, а также ведомости погребенных с 1841 по 1907 гг. В Симонове монастыре документация, связанная с подобными захоронениями, выделялась в особые дела: «О погребении на территории Симонова монастыря членов знатных дворянских и купеческих фамилий 16 октября — 9 ноября 1795 г.» [43]. Это было важно, поскольку в монастыри при захоронении близкого родственниками традиционно делались вклад. Так, на вклад вечного поминания в Новодевичьем монастыре вдовы сенатора Н.П. Филатьевой по памяти мужа и дочери в 1871 г., было выстроено 2-этажное здание, где открыт приют для девочек-сирот «неблагородного» звания, а на пожалованный капитал велось его содержание [2, С. 121]. Наши исследования показали, что большинство поминальных вкладов и пожертвований на поминания, полученных от благотворителей, если они не были целевыми, обычно обращались в ценные бумаги, как, например, неприкосновенный капитал по 5 тыс. руб., завещанный гр. А.А. Орловой-Чесменской в 1848 г. тремстам сорока беднейшим российским монастырям [13, С. 145].

Приведем несколько примеров. Высокопетровский монастырь, основанный в XIV в., известен захоронениями в подклете Спасо-Преображенского собора бояр Захарьиных-Кошкиных, князей Черкасских, Трубецких и других представителей знати допетровского времени, а с XVII века, после рождения Петра, являлся родовой усыпальницей Нарышкиных [17]. Надгробные камни Рождественского монастыря сохраняли имена князей Лобановых, Долгоруких, и других [32, С.12–13]. При этом захоронения архимандритов были бережно почитаемы [6]. Вознесенский монастырь, основанный вдовой Дмитрия Донского Евдокией с момента основания до первой четверти XVIII в. был усыпальницей женщин из московского сначала великокняжеского, а затем российского царского домов.

Также и Новодевичий монастырь, основанный Василием III в 1524 году, с момента основания служил местом заточения, пострижения и погребения женщин из российских царских династий. В подклете Смоленского собора сохранились захоронения дочери Ивана Грозного, умершей в младенчестве, его невестки Иулиании Палецкой, а в Смоленском соборе царевны Софии, ее сестер и первой жены Петра Первого Евдокии Лопухиной. На кладбище Новодевичьего монастыря захоронены С.М. Соловьев, А.С. Уваров, М.М. Погодин, А.Н. Плещеев, Д.В. Давыдов [16, С. 14–16].

В советский период большинство могил были уничтожены, также как и в других монастырях столицы. Так, при разрушении кладбища Данилова монастыря на новую территорию Новодевичьего были перенесены захоронения Н. В. Гоголя, Н.Г. Рубинштейна, А.С. Хомякова, Н.М. Языкова, а часть могил безвозвратно утеряна.

Историки, исследуя захоронения Новоспасского монастыря, зафиксировали имена сына Донского Константина (в иноках Кассиана), касимовского Симеона Бекбулатович (в схиме Стефана), его супруги Анастасии (в схиме Александры), князей Черкасских, Голицыных, Юсуповых, Урусовых, родов Татишевых, Басмановых, Грязевых, полагая, что «цари, князья, знатные вельможи и все, желавшие даже по смерти быть ближе к святым храмам», избирали местом упокоения именно монастыри [28, С. XV-XVII]. Здесь погребали представителей знатных боярских семей: Сицких, Оболенских, Троекуровых, Трубецких, Гагариных, Куракиных, Щербатовых, Нарышкины, а под Знаменским храмом, кроме Романовых, была построена фамильная усыпальница Шереметьевых [10, С. 119].

С.М. Снегирев сообщал, что Покровский монастырь, возникший на месте скудельниц на Убогих домах, которые существовали во всех русских городах для умерших без покаяния, с 1635 г. стал местом погребения людей высших сословий и был доступен для представителей священства, дворянства, купечества, реже мещан [29, С. 33-36], поскольку с 1613 г. монастырь стал усыпальницей царствующей династии, куда на служение панихид приезжали вселенские патриархи. На обширном кладбище находилось более 3 000 надгробий, в т. ч. «почтенные особы из духовенства, дворянства и купечества», и других «значительных лиц», похороненных в монастыре [29, С. 59]. Здесь были семейные усыпальницы чайных магнатов Боткиных, фабрикантов и меценатов Хлудовых, купца, основателя Щукинского музея П.И. Щукина. Некрополь Покровского монастыря был самым большим московским кладбищем, занимая площадь 5,4 га. Хотя с 1934 г. на этом месте расположен Таганский (ранее Ждановский) парк, но исследователями бережно сохраняются ценные исторические сведения [27].

Донской монастырь являлся некрополем членов грузинских царских династий Багратионов и Дадиани, деятелей науки и культуры – А. М. Аксакова, архиепископа Амвросия, И. И. Дмитриева, В. О. Ключевского, В. Л. Пушкина, А. П. Сумарокова, П. Я. Чаадаева, П. Н. Языкова, В.И. Майкова. Исследователи утверждали, что «не пышное великолепие надгробий, но имена, на них начертанные, напомнят многих деятелей, прославившихся на великой службе государства, на поприще искусства, науки, торговли» [11, С. С. 8, 19-20].

Архимандрит Спасо-Андрониковой обители Сергей (Спасский) сообщал в 1865 г., что монастырь «стоял и доселе стоит только могилами и частною благотворительностью» [25, С. 50, 51, 57]. Обширная территория была одним из древнейших кладбищ Москвы, где, помимо Андрея Рублева, покоились воины, погибшие в Отечественную войну 1812 года, меценат П.Г. Демидов, в также «немало схоронено именитого купечества».

В Алексеевском монастыре (рис. 1) после его перевода в Сокольники¹ именно «кладбище составило главный источник доходов, необходимых для поддержки многолюдной обители», по праву считавшееся одним из лучших и образцовых во всей России, с безукоризненной чистотой, высаженными цветами и уходом за могилами, славилось именами Нарышкиных, Волконских, Черкасских, именитым купечеством [33, С.50]. В 1840 г. митрополит Московский

¹ Основанный в 1360 году в Остожье (современная Остоженка), в 1571 году после опустошительного пожара, произошедшего при Девлет-Гирее, монастырь был переведен в Чертолье на Волхонке, а в 1837 г. был переведен в Красное село, чтобы освободить место для строительства храма Христа Спасителя, воздвигнутого по обету Александра I. Сестры, переведенные в глухое место, сначала бедствовали, и только при организации кладбища на средства благочестивых вкладчиков началось каменное строительство и стала развиваться благотворительность. По устному московскому преданию, игуменя Клавдия прокляла покидаемое ей место словами «Сему место быть пусто», - поэтому так непроста история строительства храма Христа Спасителя, завершеного только в 1880 г., его взрыва и разрушения через 51 год, затем существования бассейна почти 35 лет на месте котлована и, наконец, восстановления храма при патриархе Алексии и мэре Ю.М. Лужкове в 2000 г.

Филарет, позволил открыть при монастыре кладбище, которое составляло главный источник доходов, необходимых для поддержки обители [36, С. 12, 18]. Исследователи отмечали, что «земля, отведенная под кладбище, украсилась мраморными, гранитными, и другими богатыми памятниками, около которых, благодаря заботливости сестре обители, каждое лето насаживаются во множестве цветы, соединяющие свой аромат с благоуханием душистых тополей, растущих купами и рядами по монастырю, что дает воздуху свежесть и чистоту, которым спо-

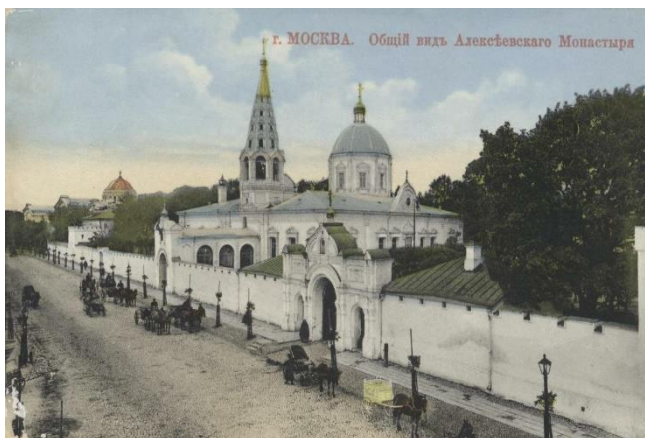

Рисунок 1 – Общий вид Алексеевского монастыря

способствует безукоризненная опрятность во всей обители [36, С. 52]. Сестры аккуратно вели финансовую отчетность, занося поступления в «могильные книги», фиксируя в ведомостях погребенных, и выдавая родственникам погребальные свидетельства, билеты и квитанции [44]. В 1902 году подобные хлопоты принесли только за наблюдение и уход за могилами 56 710 руб., что позволяло обители активно строиться (для сравнения масштабов напомним, что накануне революции 1917 г. пирожок с рюмкой водки в обычном московском кабаке обходились в 10 коп.). В 1930-е годы некрополь с более 2 000 захоронениями был разрушен, сейчас по нему проходит Третье транспортное кольцо.

Вплоть до революции 1917 года кладбища оставались важной частью монастырской экономики, так, в 1915 г. служащий священник самого «юного» московского Скорбященского монастыря, основанного в 1891 г., свидетельствовал, что средства к содержанию монахини получают от земли, находящейся при монастыре; большую часть этой земли занимает кладбище – это главный источник монастырских доходов [31, С. 94]. С 1894 по 1929 гг. здесь было захоронено 2 500 человек, а 1930 г. кладбище было преобразовано в Новослободский парк, когда часть захоронений, как, например, адвоката Ф. Н. Плевако, были перенесены на Ваганьковское кладбище, а часть безвозвратно утрачена, как место захоронения историка Д. И. Иловайского.

Справедливости ради напомним, что не только в советское богоборческое время происходили недопустимые утраты. Так, в начале XX в. современники сообщали, что не сохранилось «никаких памятников» на погосте Сретенского монастыря, существовавшего до опустошительного пожара 1812 г., где уцелело несколько надмогильных досок с именами прославленных княжеских и дворянских родов: Вадбольские и Прозоровские, Лихаревы, Черновы, Павловы, Бахметовы, Мещериновы, Голохвастовы, Корины, Марковы, Милютины и др. [15, 31]. Этот страшный пожар также уничтожил ряд памятников на кладбище Никитского монастыря [19, С. 34].

Рассмотрим динамику поступлений кладбищенских доходов на примере поступлений Новодевичьего монастыря. В 1892 г. погребение усопших на монастырском кладбище принесло в монастырскую казну 11 235 руб., что стало главной частью дохода составив 27% из полученных 41 416 руб. Остальные средства составили пожертвования на содержание общей трапезы, составившие 21%, проценты с вкладов - 14%, продажа свечей и огарков 11%, а продажа монастырских рукоделий всего 5% [39, л. 12-14 об]. Ясно, что с учетом того, что средства на трапезу, содержание богаделен и больницы выделялись частными лицами, самый большой доход обители приносили кладбищенские и процентные деньги, далее следовали аренда, а церковный доход, учитывая свечные, просфорные и часовенные поступления оказался на пятом месте.

В 1914 г. в Новодевичьем монастыре за могильное место первого разряда официально взималось 1 000 руб. [21, л. 1], отдельно оплачивалось устройство могил с кирпичными стенами и сводами, а также уход за могилами и памятниками, что приносило дополнительный доход. В

Донесении настоятельницы Новодевичьего монастыря игуменья Антонии (Каблуковой) благочинному монастырей Москвы настоятелю Знаменского монастыря архимандриту Товии от 10 июня 1903 г. сообщается, что «за вырытие могилы 10 руб., это плата в пользу сторожей, за выкладную могилу, материал и работу – 50 руб.» [4, л. 1 -1-об.].

Предприимчивая игуменья считала возможным взимать доплату за проданные 40 лет назад места первого разряда «...для того, чтобы по предъявленным квитанциям взимать доплату по ценам настоящего времени», т. к. место первого разряда (вблизи храмов) стоило раньше 600 руб., а второго – 300 руб. [4]. Не случайно в начале XX в. после многократных отказов Консistorии на ее обращения, она все же добилась расширения монастырского кладбища за пределами обители [37, С. 577–596; 38, С. 254–269]. Поэтому в 1915 г. в Новодевичьем монастыре из поступивших 94 981 руб. продажа могильных мест составила уже 46 180 руб., составив почти половину дохода [41, л. 78]. Именно в это время появилась знаменитая современная часовня Прохоровых, с мозаикой внутри, где были погребены видные представители основателей «Трехгорной мануфактуры». И сейчас Новодевичий остается самым престижным местом погребения выдающихся политиков, ученых, артистов, художников, артистов.

В менее престижных монастырях до революции могильное место первого разряда могло стоить 500 руб., пятого – 50 руб. Например, в Симонове монастыре цена перворазрядного могильного места составляла 190 руб., а четвертого – 110 руб., причем дополнительно брали 2 руб. за обкладку могилы дерном. В 1900 г. только эта работа приносили обители 1 270 руб. 50 коп. [45]. При сравнительном анализе дохода мужских монастырей в 1916 г. [42, л. 87-90] выяснилось, что в 3-классном Данилово монастыре из полученных 65 470 руб. дохода основную часть составили аренда 21 802 руб., свечи составили 10 001 руб., кладбищенский доход достиг 9 015 руб., доходы по банковским вкладам, называемые «процентными» деньгами 9 626 руб. Во 2-классном Спасо-Андроникове монастыре продажи свеч принесли ок. 9 тыс. руб., кладбище – 5 770 руб., проценты – 4 738 руб. В Покровском миссионерском монастыре из 34 218 руб. продажа могил принесла 19 595 руб., продажа свечей 14 034 руб. [7, С. 127].

Но подобные доходы были далеко не во всех монастырях, так в отчете 1914 г. начальницы Покровской общины сестер милосердия, организованной баронессой П.С. фон Розен (где сестры могли не принимать обетов, служа ближнему и покинуть обитель в случае замужества), оказалось, что аренда (сдача внаем помещений и земель) принесла обители 41 060 руб., дежурство сестер в больнице 6 096 руб., воспитание детей 3 520 руб., пожертвования благотворительниц 3 660 руб., а кладбище всего 3 050 руб.

Подобные сведения можно привести и для других обителей, так, в 1915 году в Алексеевском монастыре из полученных 91 947 руб., кладбище принесло 23 202 руб., аренда – 21 459 руб. [42, С. 105] Отдельной темой являются вклады на помин души, которые не были постоянными, но зачастую составляли значительные суммы. Например, согласно завещанию В.Н. Паниной, после ее смерти в 1841 г. было пожертвовано на Николоявленскую церковь 6 000 руб. [44, С.50], а на расходы по погребению княгини Веры Васильевны Волконской в Скорбященском монастыре 12 мая 1917 г. указана сумма 3 250 руб. [46, Л. 55].

Результат исследования экономической деятельности нескольких монастырей показал, что продажа монастырской земли под могилы могла составлять значительный доход. При этом клады в монастырь на поминальные близких могли быть направлены на создание или содержание благотворительных заведений в монастыре, обычно строительство приюта, больницы, богадельни, но если это не было оговорено вкладчиками, то обычно обращались в ценные бумаги. Часть их шла на содержание архитектурных и кладбищенских памятников, и сестры, ухаживающие за ними, получали за это плату.

Заклучим, что т.н. «кладбищенские» поступления ряда московских монастырей многократно превышали церковный доход (т.е. свечные, просфорные, кружечные и другие поступления), и, несмотря на сохранение древних обрядовых практик, характеризуют успешное встраивание монастырской экономики в сложный уклад быстро развивающегося мегаполиса, каким стала Москва накануне революции 1917 г.

Библиография

1. Амфилохий (Сергиевский), арх. Надгробные памятники иноверцев, найденные архимандритом Амфилохием в 1870 году в Московском Даниловом монастыре М. Тип. Русские ведомости [1871].
2. Антушев Н.П. Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря. М., тип. Л.Ф. Снегирева, 1885.
3. Беляев Л.А. Некрополь Данилова монастыря в XVIII-XIX веках: историко-археологические исследования (1983-2008). М. 2012.
4. Государственный Исторический музей. Архив Новодевичьего монастыря. Инв. 20862.
5. Григорий (Воинов), архим. Московского Спасо-Андрониева монастыря. Устройство и освящение двупрестольной церкви Покрова Пресвятыя Богородицы и святителя Николая Чудотворца в Всехсвятском единоверческом девичьем монастыре. М. Тип. Л. Ф. Снегирева. 1878.
6. Григорий (Воинов), арх. Списки настоятелей Московского Высокопетровского монастыря и его же надгробные памятники. М., 1874.
7. Гувакова Е.В. О финансово-экономической и благотворительной деятельности московских обитателей на рубеже XIX–XX вв.: На примере Новодевичьего и Чудова монастырей // Вестник Московского университета. М., 2016. № 1. Серия. 8. С. 33–70.
8. Дионисий (архимандрит). Даниловский мужской монастырь третьего класса. М. 1898.
9. Дмитриев Д.С., свщ. Московский Никитский девичий монастырь. Очерк. Сергиев посад. 1908.
10. Дмитриев И. Д Московский первоклассный Новоспасский ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем. Историко-археологический очерк. М. 1909.
11. Дмитриев Н.В. Донской монастырь. М. 1857.
12. Донской монастырь в Москве. Краткий исторический очерк. И.К. 3 изд. М. 1901.
13. Елагин Н.В. Жизнь графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской. СПб. 1853.
14. Иванов М. Историческое описание Москвы или обозрение достопримечательностей, соборов, монастырей, церквей, дворцов, замечательных зданий, музеев, памятников и друг мест. 1872 г. тип. А. Аврамова.
15. Иосиф, иер. Московский Сретенский монастырь. М. Изд. монастыря. 1911.
16. Кистер К.В. Краткое описание Новодевичьего монастыря. М. 1905.
17. Крылов И.З. Достопамятные могилы в Московском Высоко-Петровском монастыре. М. 1841.
18. Московский некрополь. В 3 тт. В. И. Саитов, Б. Л. Модзалевский. СПб. 1907 – 1908 гг. С. IX – XVI. 1907 – 1908 гг.
19. Никитский женский монастырь в Москве. Исторические розыскания по московским древностям, по топографии, урочищам и слободам, древней Москвы и по дому бояр Романовых. Изд. 2. СПб. Тип. Клобукова. 1902.
20. Никольский Н.М. История русской церкви. Таллин. 1988.
21. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 169. Д. 25. Фонд Д.А. Милютина.
22. Описание состоящего в Московском Ставропигиальном Новоспасском монастыре храма Знамени Пресвятыя Богородицы гр. Н.П. Шереметьева, на гробах предков и родителей его, воздвигнутого с приобщением надгробных надписей, собранное в 1803 г. М. 1803.
23. Пассек В.В. Историческое описание Московского Симонова монастыря. 1843.
24. Ростиславов Д.И. Опыт исследования имуществ и доходах наших монастырей. СПб. 1876.

25. [Сергий (Спасский), арх.] Историческое описание Московского Спасо-Андроникова монастыря. М., 1865.
26. Сеницын П.В. Никольский единоверческий мужской монастырь в Москве, что в Преображенском. М. 1896.
27. Смирнов С.А. Некрополь: История Покровского монастыря и монастырского кладбища. М., Издание Покровского ставропигиального женского монастыря. 2006.
28. Снегирев И. М. Новоспасский ставропигиальный монастырь в Москве. 1863.
29. Снегирев И.М. Покровский монастырь, что на Убогих домах в Москве. М.1899.
30. Сорокин А.Е. староста церкви. Торжество в московском Никольском единоверческом монастыре. Псков. Славянская тип. 1878.
31. Сперанский И.П. прот. Историческое описание московского женского Общежительного Всех Скорбящих радости монастыря. М. 1915.
32. Токмаков И.Ф. Краткий исторический очерк Московского Рождественского женского монастыря. М.1881.
33. Токмаков И.Ф. Историческое и археологическое описание Московского Алексеевского девичьего монастыря М. Печ Снегиревой. 1896.
34. Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство: Синодальный период. 1700–1917 гг. М. 2003.
35. Хавский П.В. Краткая история Московского женского Никитского монастыря, названного так по имени родителя патриарха Филарета Никиты Романовича. М. Тип. С. Орлова. 1866.
36. Ушакова Е.В. Краткий исторический очерк московского Алексеевского девичьего монастыря. М. 1877.
37. Шлионская Л. И. «Новые кладбища» Московского Новодевичьего монастыря // Труды ГИМ. Вып. 126. 1999. С. 577–596.
38. Она же. Два некрополя Новодевичьего монастыря // Труды ГИМ. Вып. 110. 2001.
39. Центральный исторический архив г. Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. (далее ЦГА ОХД). Ф. 203 Московская духовная консистория ведомства святейшего Синода. Оп.744 д. 3248 Краткая ведомость расходов и остатков денежных сумм по Московскому Новодевичьему монастырю за 1892 г.
40. ЦГА ОХД. Ф.203. Оп. 550 Д. 21 Сводный отчет настоятеля Данилова монастыря Филата о состоянии Московских епархиальных монастырей 1899 г.
41. ЦГА ОХД. Ф.203. Оп. 744. Д. 3252. Финансовая отчетность монастырей за 1912 г.
42. ЦГА ОХД. Ф. 203 ед. 744 д.3253. Ведомости о приходе, расходе и остатках монастырей московской епархии за 1916 г.
43. ЦГА ОХД. Ф. 420. Московский ставропигиальный мужской Симонов монастырь. Оп. 1. Д. 16. Дело о погребении на территории Симонова монастыря членов знатных дворянских и купеческих фамилий. 1795 г.
44. ЦГА ОХД. Ф. 1175. Алексеевский женский монастырь. Оп. 1. Д. 326–356. Могильные книги с 1842 по 1917 г.; Д. 410–444 Погребальные билеты умерших с 1840 по 1904г, Д. 445–459; Погребальные свидетельства с 1905 по 1919 г и Д. 460–464) погребальные квитанции с 1860 по 1918 г. в Д. 464–468. Ведомости погребенных Алексеевском монастыре с 1841 по 1907 г.
45. ЦГА ОХД. Ф.420. Оп. 1. Д. 819. Книга для записи прихода денежных сумм, получаемых с монастырского кладбища Московского ставропигиального Симонова монастыря на 1900 г.
46. ЦГА ОХД. Ф.1178. Монастырь Всех Скорбящих радости. Д.275. Входящие бумаги.
47. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XIX-А (38). СПб. Семеновская Типолитография И.А. Ефрона. 1896.

**ON THE CEMETERY INCOME OF MONASTERIES IN MOSCOW
ON THE EVE OF THE REVOLUTION OF 1917**

Guvakova E.V.

Mikhail Abramov Museum of Russian Icons

Abstract

The article examines the income of several Moscow monasteries from cemeteries, which quickly allowed them to improve their living conditions, build new temples, and invest in banks and real estate. Despite the widespread belief that Russian monasteries derived their main income from the sale of candles, the research found that renting out real estate, less frequently bank income, and, for a number of monasteries, the sale of grave sites, proved to be the most profitable business.

Keywords

Necropolis of Moscow monasteries, cemetery as a source of income, tombstones of nobles and generals, burials of prominent figures, cemetery money, books of accounting of sums for burials and funerals, contributions for the repose of souls, categories of grave places, care of graves.